

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Александра Чабан

Акмеизм в провинциальной критике

The article investigates the reception of acmeists in the provincial periodicals before the revolution: Moscow, Odessa, Rostov-on-Don, Nizhny Novgorod, Petropavlovsk etc. There is made a conclusion about inhomogeneous perception of acmeists and low degree of familiarity with that literary movement.

Key words: Acmeism, periodicals, magazine, review, manifesto, context, outlook, poetics.

В статье анализируется рецепция акмеизма в провинциальной периодической печати предреволюционного времени (Москва, Одесса, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Петропавловск и т.д.). Делается вывод о неоднородности восприятия акмеизма и низком уровне знакомства с этим литературным движением.

Ключевые слова: акмеизм, периодические издания, журнал, газета, манифест, контекст, взгляд, поэтика.

Подчас провинциальная критика оказывается причудливым, но оттого не менее важным индикатором положения дел в литературной метрополии. Во многих случаях, передавая искаженное виденье определенного явления или события по принципу «глухого телефона», критика «выхватывает» наиболее яркие или, наоборот, уязвимые его стороны. Это весьма показательно на примере критических заметок об акмеизме.

До сих пор в исследовательской традиции нет единого мнения по поводу оценки акмеизма как литературного явления: был ли он школой или более широким литературным течением. Подобная проблема не раз поднималась в работах Н. Богомолова [2], О. Лекманова [15], Р. Тименчика [19] и ряда других ученых. Представляется, что своеобразное описание акмеизма через призму провинциальной критики может помочь ответить на этот вопрос.

Уже за пределами Петербурга связь с акмеистами начинала «барахлить». Ярko демонстрируют это уже московские заметки. В отличие от футуристов, значительное количество которых находилось в Петербурге и Москве и которые достаточно часто перемещались по городам с публичными лекциями и чтениями собственных стихов, акмеизм был «домашним» явлением, локализованным в пределах одного места,

и не стремился экспансивно распространять свое влияние на другие территории. Во многом этот факт обусловил степень известности/неизвестности нового течения, поскольку знали о нем преимущественно литераторы, взаимодействующие с акмеистами. Так, заметки В. Ходасевича в журнале «Альциона» и газете «Голос Москвы» говорят о хорошей его осведомленности по поводу акмеистов. Он делает достаточно дальновидные прогнозы об акмеистах на основе манифеста и вышедших сборников стихов поэтов. Но в обзоре «Альционы» (1914 год) обращает на себя внимание характеристика акмеистов как «наиболее шумных» поэтов того времени:

Из тех, кто идет на смену, если не наиболее ценны, то наиболее шумны выступления группы молодых авторов, объединившихся в так называемый «Цех поэтов». Они выступают целою школою и, кажется, совершенно уверены, что отныне поэтическая гегемония переходит в их руки [25, с. 152].

Весьма похожим образом отзывались об акмеистах годом ранее «Бюллетени литературы и жизни»: «Нынешний наш литературный сезон ознаменовался многоразумным рождением новой поэтической школы. Несколько петербургских молодых поэтов (Гумилев, Городецкий, Ахматова и др.), объединившись в кружок, объявили вдруг, довольно неожиданно, смерть символизму и присвоили своей, «новой», что характерно, еще собственно не существующей поэзии сразу два наименования — адамизма и акмеизма» [25, с. 778–779]. Однако к 1914 году акмеизм в петербургской критике описывался исключительно как явление, быстро утратившее молодой запал, скучное (Ср.: «Ненадолго заставили о себе говорить вновь народившиеся «акмеисты», они же «адамисты» [29, 10]; «Одно время прогрессивная критика «пригрела» даже несуществующих «акмеистов», этих мертвых парнасцев современности, пригрела только для того, чтобы насолить символистам» [20, с. 3]; «Акмеисты завяли, не расцветши. Начав скучно в «Аполлоне», скудно работая в «Гиперборее», они совсем компрометируют себя «цехом поэтов»» [23, с. 2]).

Причем, по-настоящему шумных выступлений акмеистов, судя опять же по газетным отчетам, было всего несколько: одно в конце 1912 года (а именно — 19 декабря 1912 состоялась лекция С. Городецкого «Символизм и акмеизм», где М. Зенкевича попросили прочесть одно из своих наиболее эпатажных стихотворений, вызвавших большое негодование общественности. (Русская молва. 1912. № 14

(22 декабря). С. 5) и два-три в начале 1913-го (одно — 4 февраля, другое — 17 февраля). Оба состоялись в «Литературном обществе». Выступал С. Городецкий. Были прения, не дошедшие до скандала. Известно еще одно «несанкционированное» выступление акмеистов на лекции у Г. Чулкова 12 января 1913 года. (В Литературном обществе // Речь. 1913. № 11 (12 января). С. 6).

О футуристах, напротив, почти каждую неделю газеты всех мастей сообщали новости, одну эпатажнее другой (см., к примеру: Футуристические скандалы // Одесские новости. 1913. 23 декабря. С. 3; Вчерашняя прогулка футуристов // Столичная молва. 1913. № 327. С. 4; Драка на диспуте у футуристов // Речь. 1913. 11 декабря. С. 5; Трюки футуристов // Петербургский листок. 1913. 16 сентября. С. 3; Последний крик моды и дегенерация // Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 6. С. 329; Футуризм и безумие // Петербургский курьер. 1914. 22 января. С. 4; Клоуны в литературе // Столичная молва. 1913. № 285. С. 2; Бесстыжие // Биржевые ведомости (вечерн. вып.). 4 марта. С. 5.). По всей видимости, именно здесь в заметке Ходасевича, наряду с его большой литературной прозорливостью, можно обнаружить черты «провинциального» сознания, проявившегося в не совсем верном воспроизведении статуса акмеистов. Возможно, новости о поведении коллег из Петербурга доходили до Москвы и ее обитателей достаточно долго, однако также вероятно, что имидж более знакомого нового направления, футуризма, примерялся и к менее известному — акмеизму.

Пополнению знаний об акмеистах за пределами Петербурга могли способствовать литераторы, не только лично знающие поэтов, но и выступающие с публичными лекциями о современном состоянии литературы. Так, газета «Утро России» от 10 апреля 1913 года опубликовала отчет о литературном диспуте с участием москвичей С. Соколова-Кречетова, В. Брюсова и петербуржца Г. Чулкова, где акмеизм был достаточно верно охарактеризован:

Три уклона намечается в современной русской литературе: народнический (Вяч. Иванов, Бальмонт, Добролюбов, А. Клюев [так — АЧ]), футуристический (Игорь Северянин) и акмеистический (Гумилев, Городецкий). Кто победит и куда приведет русская литература неизвестно [27, с. 4].

Отчет о том же диспуте из другой московской газеты «Русское слово» привносит новый и весьма устойчивый ракурс общего отношения к акмеистам:

Несмотря на разнообразие взглядов, во всех ораторах замечается нечто общее: какая-то охранительность, консервативность, неприязнь к последним течениям литературы, ко всяким «акмеизмам», «эго-футуризмам». словно все литературные школы объединились, испуганные неожиданным натиском хулиганства [28, с. 6].

Еще более этот контраст усиливается в отчете «Голоса Москвы», где даже не названный акмеизм все-таки будет в числе «уродливых потомков»:

Коснувшись первоначального декадентства и отметив уродливых его потомков — футуристов и проч., Кречетов пришел к выводу, что будущее русской литературы светло и радостно, что она в чаении полного расцвета во имя высших эстетических ценностей [24, с. 5].

Антитеза, появившаяся еще в петербургской критике (см. фельетоны А. Бухова «Как убивают поэзию» // Синий журнал. 1912. №47. 16 ноября. С. 7; Б. Садовского Аполлон-сапожник // Русская молва. 1912. №8 (17 декабря). С. 4. и т. д.), в московской получает свое дальнейшее развитие: положительное отношение к символизму как к уже состоявшейся классике с одной стороны и негативное к появившимся «дерзким» постсимволистам с другой. Причем, на начальном этапе течение акмеизма и футуризма критиками осуждаются, упрощаются, но не отождествляются. Так, «Русское слово» продолжает:

Что касается акмеизма, то в основе этого течения лежит здоровое зерно утверждения жизни. Но, к сожалению, на практике акмеисты, главным образом, описывают, как они «леопардов влет из карабинов убивают», и больше ни в чем проявлять себя не собираются [28, с. 6].

Не менее интересно также мнение другого московского критика, подметившего как ослабление символизма, так и опасную тенденцию «неразборчивости» людей в осознании новых течений:

Выбитые теперь из левого крыла акмеистами и эгофутуристами и отодвинутые ими к центру, декаденты теряют последнее обаяние. От них отвергиваются теперь и те из молодежи, которые дарят свои симпатии и свое внимание крайним направлениям, не разбираясь в их сущности (лишь бы было крайнее!) [10, с. 3].

Однако мнение о «хулиганстве» литературной молодежи для неосведомленных критиков, по всей видимости, оказывалось наиболее удачной отправной точкой и в собственных опусах. Тем более что в критической практике уже существовал этот «порицающий» опыт: несколько ранее пришедшие в литературу футуристы подгото-

вили уже нужную для этого почву (см., к примеру, заметки: Студенчество и футуризм // День. 1912. № 315 (20 ноября). С. 4; Скромный поэт // Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф. 1912. № 4. С. 18 и т. д.). Отсюда увеличивающийся в сторону гротеска контраст между изложенной в статье правдой и вымыслом часто оказывался обратно пропорционален достоверности. Так в «Московском листке» критик Григорий Редер сурово заявляет:

Новая литературная напасть: Акмеизм. Буквальное значение слова «акмеизм» — вершинность. Странники акмеизма в искусстве пытаются сохранить во всем только одни верхи. Правильнее — верхушки. Верхушки во всем, во всем решительно, но только верхушки. <...> Помилуйте, в поэзии акмеисты, как они это категорически заявляют, стремятся к упразднению: Стиха. Стиля. Языка. Рифмы. И, наконец, ритма. <...> Пройдя через этапы всех этих «Ослиных хвостов», «Бубновых валетов», «Бурлюков», «акмеистов» и прочих юродствующих, искусство достигнет своего идеала. <...> Белиберда — глубочайшее по идее и замечательнейшее по форме стихотворение <...> какого-нибудь нынешнего Маяковского или ему подобного «акмеиста» [18, с. 3].

Далее критик в качестве стихов акмеистов приводит цитату из Хлебникова и цитату из Маяковского, которую, к тому же, воспроизводит неверно [1, с. 89]. В заметке также отсутствует любое свидетельство знакомства автора с содержанием манифестов, поэтому неудивительно, что акмеизм здесь приобретает яркую футуристическую окраску. Однако в целом заметка является далеко не случайной.

Текст сообщения достаточно красноречиво свидетельствует о том, что за пределами Петербурга об акмеизме по большей части знали чрезвычайно мало, и часто — лишь по слухам, способствовавшим максимальному искажению исходной информации. Наиболее пространственный путь — отождествление с футуристами — также не удивителен, поскольку оба направления возникают почти одновременно, и более знакомый имидж футуризма накладывается на образ неизвестного акмеизма. Скандальность, таким образом, транслируется и на акмеистов.

Другим не менее распространенным путем для критической оценки становится вторичность. Так, критики при анализе акмеистов опираются на уже вышедшие статьи более компетентных критиков, делая это с разной степенью успешности: у И. Игнатова в «Русских

ведомостях» такая компиляция из статей В. Брюсова [3, с. 134–142], И. Казанского (И. Игнатъева) [13, с. 3–7] и А. Крайнего (З. Гиппиус) [8, с. 12–15] получается достаточно удачной. Его собственные выводы соответствуют действительности:

Нет, теория «акмеизма» — одно, а практика современной поэзии — другое. И то, и другое, по-видимому, имеет одну причину: и то, и другое возникло из чувства противодействия недавнему. Реакция против туманностей, мистических витаний, потусторонних заглядываний и отрицания реализма вызвала и теорию, и практику этой поэзии. «Акмеизм» — призыв назад к реализму, но реализму, не оскверненному неверием, пессимизмом, унынием. <...> Так сказала теория. <...> Но они переоценили свою волю, слишком понадеялись на силу хотения. Действительность не дала светлых образов, собственная душа не настроена примирительно [12, с. С. 4–5].

Идут ли обе новые школы вместе? Подают ли они братски руки одна другой, или, если их пути различны, кивают ли они дружески головами, сочувствуя взглядом тем усилиям, которая принуждена делать каждая на своей тернистой дороге? Увы! — нет [11, с. 3].

Другой критик, Е. Кускова, в тех же «Русских ведомостях» соединяет «скандальную» и «компилятивную» модель, что удается ей достаточно плохо. Фельетон, выполненный в лубочном стиле с некой «сказовой» манерой повествования, перенасыщен всякого рода несуразными умозаключениями автора. Акмеисты и футуристы опять оказываются единым направлением, но при всем этом автор весьма прилежно указывает на мнение относительно тех и других В. Брюсова:

Родились родные сыны этого времени, — акмеисты и футуристы. Они злобно стали издеваться над неземным символизмом. Они желают, — без всяких символов, — снова спуститься на землю. Но старых земных слов они уже не знали и потому явились на землю как Адамы и как лесные звери. <...> «Зверям» страстно захотелось земли... Они охотно воспользовались бы прекрасным орудием истинного искусства, — символом. Но как же тогда быть с землей? Ведь на земле нет теперь таких символов, которые подняли бы Адама до высоты художественного переживания. Земля опустела. Обниматься же с ветром и морской волной футуристам надоело. И потому вдруг раздались бессвязные звуки: ааа... ооооо... у-у-у... Дыр-бул-щур!.. Только это — реальность, только это — самое ценное, земное! И новый

Адам начал с буквы, чтобы затем перейти к словам, ибо старые слова реалистической литературы были давно уже позабыты [14, с. 3].

Не только образ, но и теория акмеистов не становилась ясна читателям провинции, о чем предупреждали еще авторитетные петербургские критики [17, с. 229]. Отсюда провозглашаемое акмеистами «приятие мира» было воспринято одними как продолжение бальмонтовской традиции (Л. Столица [26, с. 4]), другими — традиции реалистов (И. Игнатов [11], [12], Н. Геккер [5], [6]), третьими — как очередная эпатажная выходка футуристов (Г. Редер [18]). «Вершинность», «жизнерадостность», «мужественно-твердый взгляд на мир» неразрывно связываются со «звериным, адамистическим», что опять же позволяет некоторым критикам отождествлять акмеистов и футуристов (Е. Кускова [14]). С другой стороны, именно этот пуант, как ни странно, оказался не совсем далеким от истины: известно, что «адамистическая фракция» акмеистов — поэты М. Зенкевич и В. Нарбут, действительно, периодически задумывались о союзе с футуристами [Письмо Нарбута — Зенкевичу от 17 декабря 1913. [4, с. 242–243]].

Особый случай недопонимания теории акмеизма представляет заметка Н. Гиляровской из «Голоса Москвы». Повторяется компилятивная модель: автор пересказывает содержание манифестов Гумилева и Городецкого. Однако, переложив абзац о «литературных предшественниках» акмеизма и, действительно, верно уловив мысль, что Т. Готье в этом пантеоне отводится особое место, автор делает вывод, что акмеизм — явление заграничное, как символизм или футуризм. Акмеисты названы «русскими акмеистами», что неизбежно подразумевает существование английских или немецких поэтов того же направления:

Русские акмеисты считают тоническое стихосложение не обязательным, они желают воскресить забытый силлабизм, но воскресить его в новой форме. <...> Пусть все это трудно, но молодое направление желает идти по линии наибольшего сопротивления. Таково новое настроение нашей молодой литературы. Нельзя, конечно, забывать, что корни его пришли из Франции.

Посмотрим, как привьется новый заморский цветок на мощном дичке нашей национальной литературы. Может, он украсит его, а может, засохнет, как засохло до него много его предшественников [7, с. 4].

Тем не менее, по оперативности реакции на появление нового литературного течения Гиляровская, в отличие от своих земляков,

может посоперничать с самыми авторитетными петербургскими газетами и журналами. Заметка вышла 28 февраля 1913 года, первые петербургские отзывы о манифесте акмеистов, заметки Д. Левина в «Речи», также приходится на те же даты — 26 и 28 февраля 1913 года.

Освещенные выше заметки и отзывы об акмеистах являются, если не всем, то почти всем наследием московской критики, писавшей об акмеистах с 1912 по 1917 годы. По сравнению с футуризмом, эта цифра — около 10 статей — ничтожно мала. Кроме того, встречаются весьма уважаемые московские газеты (к примеру, «Столичная молва»), где освещалась литературная жизнь страны, в том числе выступления футуристов, но при этом ни разу не было сказано об акмеистах. Для сравнения — в каждой петербургской газете, где был возможен разговор о литературе, акмеизм хотя бы раз был упомянут. Отсюда напрашивается вывод: то представление об акмеизме, которое существует в современной нам филологической среде, не совпадает с восприятием современников. Об акмеизме и мало знали, и даже то малое часто не полностью соответствовало действительности.

По мере удаления от метрополии ослабевает и скорость появления первых упоминаний об акмеизме. Так, «Одесские новости» впервые написали о новом течении в июне 1913 года, газета Ростова-на-Дону «Приазовский край» — в марте 1914 года, сибирская газета «Приишимье» — в январе 1914.

Несмотря на то, что в газете «Приазовский край» неоднократно разбирались и получали высокую оценку произведения самих акмеистов (см., к примеру: Лаврский Н. Новые книги. Сергей Городецкий // Приазовский край. 1913. 12 ноября. С. 4; <Олидорт Б. >. Литературный четверг. Новые книги. Николай Гумилев. «Колчан» // Приазовский край. 1916. 6 октября. С. 5–6., а автором других рецензий была осведомленная М. Шагинян), о самом акмеизме как течении было упомянуто лишь раз. В заметке не столько порицалось само направление, сколько в целом тенденция того времени к полицентризму, наличию множества кружков и объединений:

Акмеисты называют символистов азефами. Неореалисты объявили поход на модернистов.

Модернисты преследуют последние остатки славной армии натуралистов. Футуристы дразнят и тех и других, показывая мальчишеский язык.

Что это, литература? Это игра в литературу. Цветочный бой приживалок поэзии. Воробьиный гам на колоннадах искусства <...>.

Построчные гении, коронованные на час верными герольдами своей «школы», уйдут в покорную неизвестность, откуда пришли <...>.

Акмеисты, символисты, неореалисты, футуристы...

Но в искусстве только одна подлинная «школа» — это школа талантов!

Я не знаю, был ли Пушкин «акмеистом», но он был поэт Божьей милостью, и булавка литературного ассификатора, припиливающая к гиганту ярлык и номер, показалась бы нам смешным кощунством [22, с. 3].

Если попробовать заменить сопоставление Пушкина с акмеистом на футуриста или символиста — суть заметки мало бы поменялась. Здесь важен факт осуждающего тона, присущего всей провинциальной критике в целом. Казалось бы, автор, как и в предыдущих московских эпизодах, не совсем точно разбирается в течениях, однако неожиданно точно воспроизводит новость, сравнительно недавнюю для времени выхода этой заметки (21 марта 1914 года). А именно — одно из последних выступлений акмеистов 7 марта 1914 года, вернее, одного акмеиста С. Городецкого, объявившего символистов азефовцами (см.: <Без подписи>. В литературном обществе // День. 1914. № 66 (9 марта). С. 3; <Без подписи>. В литературном обществе // Биржевые ведомости (Утренний выпуск). 1914. 8 марта. С. 4.). Подобный факт говорит о принципиальной позиции «Приазовского края»: оказываясь достаточно прогрессивной и достоверно осведомленной, газета, как и все провинциальные, занимала «охранительную» позицию и осуждала сам факт появления новых тенденций в литературе (см. также другие скептические отзывы «Приазовского края» по поводу новых течений: Лавровский Н. Пощечина искусству // Приазовский край. 1913. 18 марта. С. 2; Лавровский Н. Желторотые мальчики // Приазовский край. 1913. 16 июня. С. 4; <Психо-футуристы>. Футуристы в провинции // Приазовский край. 1914. 3 января. С. 2).

В двух ведущих литературно-политических газетах Одессы «Одесские новости» и «Одесский листок» об акмеизме говорилось не единожды и весьма заинтересовано. Однако первое упоминание, статья Н. Геккера «Акмеисты в «Заветах»», достаточно типична для провинциальной критики, хотя и выполнена с хорошим анализом. На-

блюдается все так же «вторичность», т. е. в данном случае — отзыв на статью А. Долинина (Искоза) об акмеистах, помещенную в журнале «Заветы» за май 1913 года. Реферируя статью, критик снабжает ее своими рассуждениями по поводу способности акмеистов войти в стан реализма под флагом приятия земного мира. Он это считает невозможным, но не по причине расхождения в поэтике двух направлений, а из-за элементарного невежества поэтов-акмеистов:

Акме́ — по-гречески значит вершина, расцвет, применительно к человеческой жизни — та пора, тот возраст и, понятно, соответствующее ему мироощущение, когда человек «вдребезги», что называется, пьян жизнью. Жажда такой веселой бодрости, они и называют себя акмеистами. Первозданный Адам представляется им существом крайне жизнерадостным, настоящим «белокурым зверем», одаренным лишь мужественно-твердым и ясным взглядом на жизнь<...> Только было бы это искренно и заразительно для других, а не игра и фальсификация, как это было недавно с выражением противоположных чувств [5, с. 2].

Завершается же статья в весьма уже классическом духе: общим пафосом порицания акмеистов, объединяя их, в очередной раз, с футуристами:

Спрашивается, зачем же этот длинный огород городить и так много заниматься «акмеизмом»? Быть может, когда-нибудь футуристы и акмеисты скажут свое новое слово. Тогда о них и речь может быть особа. Но пока они только смешны в своих непомерных потугах и в коверканьи прекрасного русского языка [5, с. 2].

В обзоре литературной жизни за 1913 год Геккер еще более сокращает дистанцию между двумя направлениями:

Вот, например, футуризм всех видов (кубизм, адамизм, акмеизм и пр.). О нем очень много писалось в литературе, и это одно уже можно принять за признак, что интерес к этому литературному течению имеется в обществе <...> [6, с. 2].

И делает это, вероятно, убедившись в окончательной несостоятельности акмеистов как поэтов нового реалистического толка. Свое негодование критик переносит не только на акмеистов-футуристов, но и опять на разочаровавший его журнал «Заветы»:

<...> «Заветы» справедливо считаются органом молодого народничества. Журнал вполне бы оправдывал бы и упрочил за собой эту репутацию, если бы во втором году своего издания не обнаруживал

каких-то странных колебаний между новыми и весьма сомнительными течениями в области мысли и литературы с одной стороны и традициями — с другой. Так, в истекшем году помещены тут замечательные произведения, написанные в духе старого реализма, а тут же рядом напечатаны творения акмеистов и декадентствующих символистов [6, с. 2].

Следующая заметка об акмеизме появится только через два года, когда самого акмеизма как действующего направления уже не будет (см. статью Б. Садовского с характерным заглавием: Садовской Б. Конец акмеизма // Современник. 1914. Август. Кн. 13, 14 и 15. С. 230–233. См. также письмо В. Нарбута М. Зенкевичу от 17 декабря 1913 года: «На акмеизм я, признаться, просто махнул рукой. Что общего <...> между нами и Анной Андреевной, Гумилевым и Городецким? Тем более что «вожди» (как теперь стало ясно) преследовали лишь *свои* цели» [4, с. 243]). А именно — 25 апреля 1915 года напечатан отчет о лекции М. Гершенкройна в литературно-артистическом клубе [26, с. 3]. А 20 ноября 1916 года в «Одесском листке» напечатан отчет Л. Гроссмана о петроградской лекции В. Жирмунского «Преодолевшие символизм» [9, с. 7].

В ряду провинциальной критики совершенно особняком следует рассматривать газету Нижнего Новгорода «Нижегородец», давшую не менее внушительное, чем в Москве, число заметок с упоминанием акмеизма, а подчас и посвященных непосредственно ему. Авторами, курирующими литературный отдел «Нижегородца», были И. Казанский (И. Игнатьев) и В. Шершеневич, петербургские поэты-футуристы. Поэтому весьма напряженную и едкую критику «Нижегородца», представляется наиболее перспективным рассматривать в русле столичной полемики.

Весьма своеобразный и не менее показательный для провинциальной критики отзыв на публичную лекцию о современной литературе опубликован в газете города Петропавловска Акмолинской губернии «Приишимье». Заметка представляет собой «квинтэссенцию» почти всех провинциальных штампов в описании новых литературных течений. Как следует из анонса выступления, лектор, А. Васильев, предполагал сделать доклад о футуризме и акмеизме. Такая поразительная осведомленность в весьма провинциальном и далеком от кипучей литературной жизни городе объясняется опять же вовлеченностью автора в литературную жизнь столицы: лектор, был студентом Санкт-

Петербургского Аграрного училища и поэтому, находясь в Петербурге, неплохо знал современную ему литературную ситуацию.

Однако, как следует из отзыва, лекция молодого энтузиаста не удалась: публики присутствовало мало, а сам лектор скудно владел материалом. Автор заметки обращает внимание на «вторичную» составляющую доклада Васильева:

Во-первых, лекция Васильева — не лекция, а обыкновенная и при том достаточно неубедительная компиляция критических статей на декадентов, акмеистов и кубофутуристов. В результате присутствовавшая на лекции публика не только не ознакомилась с «литературной идеологией» этих течений в литературе, но и спрашивала себя: зачем она явилась на лекцию? [16, с. 3].

Автор заметки решает исправить ошибку лектора и донести до читателей суть современных направлений, но излагает материал, касающийся исключительно футуризма. Это кажется также весьма показательным. Тем самым мы можем установить условную границу, дальше которой не распространялась информация об акмеизме, даже искаженная. Юг восточной Сибири — по-видимому, место, где об акмеизме было лишь упомянуто. Уже в газетах Омска и Красноярска среди упоминаний современных течений в литературе фигурировал только футуризм.

Возвращаясь к «Приишимью» заметим, что в сознании автора заметки все имеющиеся на тот момент постсимволистские направления представляют собой нерасторжимое единство: акмеизм и кубофутуризм не могут быть противопоставлены эгофутуризму как части единого целого. Это уже не намеренный шаг, как в московской критике — сведение вместе течений, оппозиционных символизму, а полное неразличение их:

Лектор заявил себя «приветствующим» эго-футуризм. Возмущался с чужой колокольни русской критикой, которая-де высмеивает и травит футуризм, между тем сам обрушился на акмеистов и кубофутуристов. Это уже противоречие. И таких противоречий — масса [16, с. 3].

Важным показателем оказывается отсутствие в статье имен представителей новых школ и цитат из их произведений. Если раньше участники и произведения назывались — верно (как в «Одесские новости») или неверно (в «Голосе Москвы» Редер), то это хотя бы давало повод увидеть небольшую ознакомленность с современным

литературным процессом. Здесь же — только общее представление и общие фразы, лишённые какой-либо конкретики:

Футуризм в том виде, в каком он существует в данное время, как искусство рассматривать нельзя, т. к. его г. г. апологеты, разных доброт и марок, открыв детский поход против классической литературы, сами никаких ценностей не дали, кроме незначительного числа «поэз» <...>, а наиболее «левые» из них — кубо-футуристы пока что пописывают что-то нечленораздельное, да золотят свои носы под рождественский орех. <...>

Фразы, цинизма, позы, наглой самоуверенности и т. п. у футуристов прямо хоть отбавляй, а молодости-то — и нет нисколько. Футуристы трезво расчетливы, на увлечение неспособны и крайне пронырливы.

Пусть бы футурист, ну, — кощунствовал, бунтовал, стремился бы к разрушению рутинного старого и созданию на развалинах чего-то, по его мнению, здорового нового, — то это, пожалуй, было бы смягчающим вину обстоятельством. Но этого нет: футурист — промышленник, верхогляд, продукт современности, — пробивающийся кратчайшим путем к успеху [16, с. 3].

Выбранные статьи охватывают не весь объем провинциальной критики, однако самые яркие ее фрагменты, которые уже позволяют выявить много закономерностей. Во-первых, бросается в глаза сравнительно небольшое количество упоминаний об акмеизме, во-вторых — преобладают различные неточности в описании как теоретической программы акмеизма, так и стиля их публичного поведения. Что характерно, подобное происходит преимущественно вследствие неполной изначальной осведомленности самих рецензентов относительно описываемого ими явления. Поэтому зачастую складываются такие устойчивые модели описания акмеизма как компиляция статей более компетентных петербургских критиков (где часто — на месте собственного вывода — встречается ошибка рецензентов — Кускова, Гиляровская, Геккер) или отождествление акмеистов с более знакомыми и шумными футуристами (Редер, Смуглый, Кускова). Все это говорит не столько о небольшом масштабе акмеизма, сколько о его узкой локализации в пределах Петербурга, чего, безусловно, не достаточно для широкого течения. Приведенные факты, по всей видимости, дают больше оснований рассматривать акмеизм как сильную школу, а не масштабное литературное течение.

Список литературы и источников

1. Акмеизм в критике (1913–1917) // <http://www.ruthenia.ru/document/533237.html>. — 303 с.
2. *Богомолов Н.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. — 560 с.
3. *Брюсов В.* Новые течения в русской поэзии // Русская мысль. 1913. №4.
4. Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. М., 2008. — 332 с.
5. *Геккер Н.* <Н. Г. > «Акмеизм» в «Заветах» // Одесские новости. 1913. №9046 (12 июня).
6. *Геккер Н.* <Н. Г. >. Литературный 1913 год // Одесские новости. 1913. №9227 (31 декабря).
7. *Гиляровская Н.* Новое литературное течение // Голос Москвы. 1913. 28 февраля.
8. *Гиттиус З.* <Антон Крайний>. О «Я» и «Что-то» // Новая жизнь. 1913. №2.
9. *Гроссман Л.* Гиперборейцы // Одесский листок. 1916. №317 (20 ноября).
10. <Дий Одинокий>. Из записных книжек // Московский листок. 1913. №84.
11. *Игнатов И.* Литературные отголоски. Новые поэты. Акмеисты. Адамисты. Эго-футуристы // Русские ведомости. №78 (4 апреля). 1913.
12. *Игнатов И.* Литературные отголоски. Новые поэты. Акмеисты. Адамисты. Эго-футуристы // Русские ведомости. №80 (6 апреля). 1913.
13. *Ивантьев И.* <Казанский>. Первый год эгофутуризма // Орлы над пропастью. СПб., 1912.
14. *Кускова Е.* Сказка о слове, девушке и бирюльках // Русские ведомости. 1913. №169 (23 июля).
15. *Лекманов О.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. — 704 с.
16. <Леонид Смуглый>. «Выкрашенно-носые». Лекция «О футуризме в России» // Приишимье. 1914. №259 (18 января).
17. *Парнок С.* <Андрей Полянин>. В поисках пути искусства // Северные записки. 1913. Май — Июнь. №5–6.
18. *Редер Г.* <Эрь>. Отголоски дня // Московский листок. 1913. №50 (1 марта). С. 3.
19. *Тименчик Р.* Заметки об акмеизме (I) // Russian literature. 1974. №7–8.
20. *Философов Д.* Немецкий романтизм и русская литература // Речь. 1914. №5 (6 января).
21. *Ходасевич В.* Русская поэзия. Обзор // Альциона. Кн. I. 1914.
22. *Швейцер В.* <Пессимист>. Игра в литературу // Приазовский край. 1914. №76 (21 марта).
23. *Шершеневич В.* За полгода // Нижегородец. 1913. №254 (22 августа).
24. *Янтарев Е.* <Янт. >. Беседа о литературе // Голос Москвы. 1913. 10 апреля.

25. <Без подписи>. Акмеизм-адамизм // Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 17.
26. <Без подписи>. Вечер поэзии К. Д. Бальмонта // Русские ведомости. 1913. № 282 (7 декабря).
27. <Без подписи>. Диспут о литературе // Утро России. 1913. 10 апреля. № 83.
28. <Без подписи>. Литературный диспут // Русское слово. 1913. № 83 (10 апреля).
29. <Без подписи>. Русская литература // Новое время. 1914. № 13580 (1 января).
30. <Без подписи>. «Четверг» в литературно-артистическом клубе // Одесские новости. 1915. № 9688 (25 апреля).